

Переводы и комментарии Б.Ф. Инфантьева

«Русские времена»

Индрикис Страумите (Янис Лицис) и его «Записки православного латыша»

Борис Инфантьев

Приложение к «Окраинам России» Юрия Самарина. Прага, 1868
Фрагменты об отношении латышей к русским в 40-е гг. XIX столетия

Я (...) часто слышал такой отзыв: если приходится ехать вместе с русскими извозчиками, тогда — чистое счастье. Происходит тебе в пути какое-либо несчастье, обернется воз — все останавливаются и приходят на помощь, что латыш делает очень редко.

Признание преимущества русских и уважение к ним принимает даже суеверный характер. Об этом свидетельствует латышское поверье: если у русского что-либо украдешь, схватишь с воза, то ни за что не можешь отойти от воза. От этого произошла поговорка: «Привязан, как к русскому возу».

Когда слыхано, чтоб русский извозчик тронул в дороге латыша? Может не случится помочь, а уж ни за что не обидит. В городе вас тоже немец толкнет в шею из лавки или шинка, а русский сам зовет. Здесь и пять верст пройти страшно, а в России и пятьсот пройдете, никто тебя не обидит. Не верьте немцу! Эхма! Что они знают про Россию? Вишь, их задор берет, что русские бабы их щами обварили, когда они с французом приходили Москву разорять. У нас царь сам христосуется на Святой с мужиком, а не то чтобы выгонял из церкви, а ваш немец и в кирху войти не хочет, когда вашего брата понаберется; а взойдет, так

ваш брат не смеет и к дверям подойти! Они вас хуже собак держат... У нас Царь-батюшка и Николай Чудотворец! Вы и Богу-то молитесь не умеете! Живете как свиньи! Вашей путры наша свинья есть не станет. А лошади какие? Да у нас больше бывает жеребенок, когда родится, чем ваша в четыре года. Смотри вон: под какого барина красным воротником, так никак не подберут под каретное дышло. Которую ни подведут, все ниже дышла, а о длине и не говори, хоть тройку запрягай гусем! Вона! Запрягли никак десятерик, а дышло-то, дышло, так и ходит над головами, ушей не задевает, хорошо что дорога гладка, а чуть ямочка, так пожалуй и прихлопнет. Нет, у нас не то; у нас ваши господа лошадей покупают у мужиков!»

Но с особенным услаждением и благочестием слушали латыши, когда постоялец из русских рассказывал про своих святых и про их чудеса.

— Что ж это, подумали наконец латыши, с чего же немцы-то распускали слухи, что русские купцы убили такого-то мужика из такой-то далекой мызы, что будто бы нашли его в подвале или в погребке и т.п.? Уверяли так же (намеренно), что во всех русских лавках пона-

деланы западни с кольцами; что как только латыш войдет один в лавку, так хозяин ногой надавит кольцо и латыш провалится; что там его убьют и что в погребах, у русских всегда находят много убитых латышей. И латыши этому верили долго, а все-таки ходили в русские лавки, ходили и побаивались, и потому принимали меры предосторожности, именно: входили всегда сам-третьей и сам-четверть. Русские купцы, разумеется, были этому рады. Распущенные в народе немецкие бредни об них же им же обратились в пользу. Глядя на собиравшиеся к ним артели, они только посмеивались, приговаривая: «Мое ко мне всегда придет», — и становились еще ласковее и приветливее к латышам. «В Риге мы все покупаем у русских, — читаем в «Записках», — продаем тоже больше все русским, и останавливаемся на русских постоянных дворах: там хозяин хоть сено не крадет для своих коров. У русского купца не нужно руки целовать, как у немца, и шапки не нужно ломать (...). Хозяин сам зовет и просит, а немец не хочет и в лавку пустить. Русский купец пересчитывает все предметы, не нужно ли того (...). В русской лавке (латыш) мог копаться целый день, перерыть, торговаться сколько угодно, сулить одну копейку за рублевый котел — купец нисколько не обидится, а только сострит: «деньги хорошие, да маловато», и не обидится, не выгонит из лавки (...). Обманывали, это правда! Но зато личной обиды не наносили. Латыш иногда и пожалуется ему на него самого, что обвесил, или обмерил, или дал не ту вещь, которую выбрал: купец в карман за оправданием не полезет. Скажет, что ошибка или нечаянно случилось и прибавит: «Да ведь, ты любезный обеднел-то не оттого, что я тебя надул на копейку; поди — барин то дерет и шкуру с плеч и корову за рога тащит из хлева»(...).

Латыш совершенно убеждался в невинности русского купца, и опять у него покупал. Он продает дешевле немца, в придачу потчует шнапсом, дает листов пять табаку, известковую трубку, сам еще засунет за ленточку шапки; если при тебе сын или кто-либо из малых, и того не забудет, крендель или пряник грошовый подарит; при прощании руку подаст, спросит, из какой мызы, усадьбы, как имя, фамилия, служба, звание. Приедешь в другой раз в город, а уж он тебя издали опознал, зовет по имени! Лестно! Еще в шутку назовет гордецом. Ну, взойдешь: чего нужно? Спросит, здорова ли жена, дети? Хоть он и знать не знает,

водятся ли у него жена и дети. До здоровья их тоже дела мало, а все-таки, в случае, укажет лекарство: мол, выпариться или чайку напиться. «А есть у вас чай?» — «Есть». — «Почем? Грошей за пять можно?» — «Можно». — Купец отпустит цидульку трехгрошовую вместо пятигрошовой, но во время вешания и упаковки непременно спросит, давно ли в Ригу приехал, каков урожай, умолот, посев озимого, что привез, кому, за сколько продал, пожалеет, что дешево продал, он, мол, больше бы дал. Взойдет другой крестьянин — купец бросает расспросы на полслово, а латыш все тянет свой рассказ, которого купец не слушает и даже не имел намерения слушать; он уже торгуется с другим, зовет третьего. Кончил латыш рассказ, расплатился; тут лавочник еще ласковее проведет, поблагодарит за рассказ, которого не слушал, похвалит ум, которого тот не выказал; спросит еще: не волостной ли он? Мужик начинает новую повесть про волостных, их глупость, несправедливость... А вот, кабы я был, вот бы я! «Да, да! Ваша правда, да, — скажет лавочник, — кабы вы были волостным, и нам бы лучше было, а то просто беда; я удивляюсь, почему вы не волостной, такой, право, умный!» — Все это для мужика латыша, много и очень много значило.

От этих же купцов, от солдат-постояльцев в сознании латыша возникает образ русского крестьянина. «Русский мужик (...) даром что крепко держит пост, одним блюдом не доволен; подавай другое (...). Русский поест хорошего полновесного хлеба, запьет квасом, чего-нибудь еще потребует, зато и не зябнет; идет зимою: грудь вольная, шея вольная и голая, а сам красной, как будто из бани вышел: пар так и валит, как с доброго коня».

Теплые слова Янис Лицис посвящает и русскому духовенству — архипастырям и иереям, которые в Латвии существенно отличались своим поведением от надменных лютеранских пасторов.

Русские солдаты ворчали на Лифляндию и этим, вовсе того не подозревая, также внушали высокое понятие о России. Они говорили: «Что за проклятая страна! Просто каторга. Ничего не найдешь! Ни веру, ни кожи лоскутика. Хоть лыком чини сапоги. Латыш и не знает, что такое вар и дратва... Ни одного не увидишь в сапогах. А все в какие-то плетенки с ушками обуты да в пастолы из сырой, коровьей или лошадиной кожи, со всею шерстью; да добро бы внутрь шерстью надевал, так нет же!

Наружу носить! Да и скверно живет, словно скотина. Содрал шкуру у околевшей коровы, притащил сырую, растопырил на земле, посередь избы, прибил по всем углам деревянными спицами, посыпал золой, и лежит это безобразие в избе, пока понадобится резать на пастолы. Все, на что ни помотришь, как-то не по-людскому!»

Наконец, устав рассказывать про Россию или ворчать про Лифляндию, импровизированный пропагандист, бывало, оглянет благоговейно внимающую толпу, ухватит какого-нибудь латыша за шею, обнимет и запоеет: «Пойдем, братцы, в русскую землю! В русской земле житье!» (..)

О русских и России была сочинена даже песня... Тогда-то ее можно было слышать всюду, на каждом шагу, ее пели даже малые дети»: *Иесим, брали, уз Криевземи, Криевземи ир лаба дзиве!*» Эту песню я знал еще тогда, когда бегал босиком. Знал ее и мой младший братик: и он, бывало, наестся и, покормив кота, пальцами выбрав из миски остатки муки, надевал миску на голову, и весь облитый кашей поднимался на ноги и пел о Русской земле.

Немецкие крики и брошюры не только не смущали латышей, а напротив, производили на них обратное действие. Они стали даже знакомиться с русским языком. С солдатами, которые ставятся к ним на квартиры, мы теперь говорим уже по-русски, по крайней мере мы их понимаем, и они нас даже хвалят, что мы «корошо говорим по-русски». Трудно уловить и передать народную молву. Но вот какого рода речи я припоминаю: «Русский народ хороший! Они вовсе не поляки, как мы их называли. Пасторы, помещики, все немцы их зовут поляками, но это вздор. У поляков нет бороды, а только усы, как они сердятся, когда их зовут поляками: «Я тебе такого поляка дам, что своих не узнаешь!» Не нужно их называть поляками! У них и вера не польская, а русская, та самая, какая и у царя. Значит, их вера царская и в эту веру можно перекреститься, когда угодно, а из их веры в нашу нельзя. Это мы знаем из нашего катехизиса, там говорится, чтоб мы, особенно кто поступает в солдаты, остерегались и не принимали бы причастия от русских священников и не давали бы им детей крестить».

